

Глава 1

Все стремятся найти свой идеал в жизни. В свое время и я наивно верила в то, что на свет все-таки больше людей, которым хоть когда-нибудь, пусть даже не надолго, удавалось найти желаемое. В молодости, в этот яркий и полный надежд период жизни человеческой, я не смогла найти идеал, но была твердо убеждена в том, что он все-таки существует, и эта вера помогала мне жить. Не нашла я его и в зрелом возрасте. Потом, смирившись с тем, что мне уже никогда не удастся его найти, я прожила несколько тихих и безрадостных лет. Сейчас же у меня появилось смутное предчувствие, что мой дом ожидают чудесные перемены. Судите сами. Давайте войдем в мою гостиную, и вы решите, права я или нет. Прежде всего, стоит внимательнее присмотреться к самой хозяйке. Мне, наверное, следует представиться и кое-что рассказать о себе. Меня зовут миссис Челфонт. Я вдова. Имею хороший дом и приличный доход и поэтому могу заниматься благотворительностью и оказывать гостеприимство другим людям. Конечно же, в разумных пределах. Я уже не молода, но еще и не стара. Мои волосы уже утратили свой золотистый блеск, но их еще не посеребрила седина. Мое лицо еще не покрылось морщинами, но я уже почти забыла о тех днях, когда оно излучало свежесть и очарование юности. Я очень рано вышла замуж. Пятнадцать лет Я жила жизнью, которую, даже несмотря на все переживания, пылавшие на мою долю, вполне можно было назвать спокойной и размеренной. Потом пять лет я жила одна, ведь у меня нет детей, и мне было очень одиноко. И вот колесо фортуны совершило один из своих непредсказуемых оборотов и наполнило мою жизнь смыслом, послав мне компаньонку.

Я живу в довольно милом местечке. Меня радует красивая природа и окружает приличное, хотя и немногочисленное, общество. Километрах в полутора от моего дома находится женская школа. Ее открыли примерно три года назад. Я знакома с ее владелицами, но должна признаться, что эти дамы мне совсем несимпатичны. Из-за границы, где они прожили несколько месяцев, завершая там свое образование, они привезли невероятное жеманство, вычурные манеры

и фантастическую надменность. Но все же я отношусь к ним с определенной долей уважения. Я считаю, что женщины, которые не пасуют перед трудностями и пытаются зарабатывать на жизнь своими силами, заслуживают этого.

Прошел уже примерно год с тех пор, как сестры Вилкоксы открыли свою школу, а учениц в ней было все еще крайне мало. Дамы, конечно же, прилагали все усилия для того, чтобы как-то увеличить их численность. И вот в один прекрасный день центральные ворота их школы открылись, и по подъездной дорожке покатился экипаж. Как мне позже рассказала мисс Мейбл Вилкоксы, которая была директором школы, это был очень изящный экипаж, запряженный парой великолепных лошадей. Суэта на подъездной дорожке, громкий звон дверного колокольчика, беспокойное вторжение в дом, прием по всем правилам этикета, устроенный в залитой солнцем гостиной, – все это вызвало сильное волнение в Фашиа Лодж. Прежде чем выйти к приехавшим, мисс Вилкоксы надела новые перчатки и взяла французский батистовый носовой платок.

Войдя в комнату, она увидела, что на диване сидит какой-то джентльмен. Когда он встал, то оказалось, что он высокого роста. Внешность он имел весьма приятную. Во всяком случае, ей так показалось, хотя он в этот момент стоял спиной к свету. Джентльмен представился, назвав себя мистером Фитцгиббоном, и поинтересовался, есть ли у мисс Вилкоксы место в школе для еще одной ученицы, сообщив ей о том, что хочет доверить ее заботам свою дочь. Это была приятная новость. В школе сестер Вилкоксы было много свободных мест. Пока в их заведении было всего три ученицы, но они надеялись на то, что к концу первого полугодия им удастся как-то улучшить свое финансовое положение. Неудивительно, что, когда мистер Фитцгиббон указал на стоявшую у окна девочку, мисс Мейбл несказанно обрадовалась.

Если бы заведение сестер Вилкоксы было одним из самых престижных заведений подобного рода и они уже достигли того уровня материального благополучия, когда человек начинает обращать внимание на внешние детали, то Мейбл легко смогла бы оценить новое приобретение на предмет того, достойна ли эта девочка стать ученицей их школы. Она прежде всего посмотрела бы на то, как эта новая ученица выглядит, во что она одета и тому подобное, и только после

этого принимала бы решение. Однако в те тревожные времена мисс Вилкоккс не могла позволить себе такую роскошь. Новая ученица означала для нее дополнительные сорок фунтов в год, а именно в такой сумме они и нуждались, и мисс Вилкоккс обрадовалась тому, что сможет ее получить. Кроме того, прекрасный экипаж, элегантный джентльмен, у которого была такая звучная фамилия, вселяли уверенность, которой, по ее мнению, было более чем достаточно для того, чтобы считать подобную сделку вполне приемлемой.

Конечно же, она сказала, что в Фашиа Лодж есть свободные места и мисс Фитцгиббон может быть сразу же принята в школу. Она также сказала, что девочка будет изучать все предметы, которые значатся в школьном проспекте, и обязательно будет посещать дополнительные занятия – это означало, что ее обучение будет стоить дорого и несомненно принесет прибыль, о которой Мейбл так мечтала. Все формальности были быстро улажены, и ни у кого не возникло никаких возражений. Во время заключения сделки мистер Фитцгиббон не выказал ни упрямства, свойственного деловому человеку, ни мелочного беспокойства, присущего простым ремесленникам. У мисс Вилкоккс сложилось мнение, что он настоящий джентльмен. Все эти обстоятельства настроили ее благосклонно по отношению к маленькой девочке, которую мистер Фитцгиббон, прощаясь, официально оставил на ее попечение; и тут последняя деталь как нельзя лучше довершила это благоприятное впечатление. Это была его визитная карточка, на которой значилось: Конвей Фитцгиббон, эсквайр, Мей Парк, графство Мидленд. В тот же самый день было выдано три распоряжения насчет вновь прибывшей.

Первое: она должна стать компаньонкой мисс Вилкоккс.

Второе: за столом она будет сидеть рядом с мисс Вилкоккс.

Третье: на прогулки она будет выходить вместе с мисс Вилкоккс.

Через несколько дней стало понятно, что к трем указанным пунктам негласным образом был добавлен еще один пункт, а именно: мисс Фитцгиббон следует оказывать поддержку, холить, лелеять и защищать ее при каждом удобном случае.

В школе была одна ученица с весьма скверным характером. Перед тем как прибыть в Фашиа Лодж, она целый год воспитывалась некими миссис Стерлинг из Хартвуда. Эти особы придерживались старомодных взглядов, и девочка, почерпнув от них представление о

справедливости, решила дать свою оценку подобной системе выбора любимчиков.

– Миссис Стерлинг, – откровенно сказала она, – никогда не поощряли девочку за то, что она одета лучше и богаче, чем остальные. Они бы посчитали это неприличным. Они всегда ценили девочек за их хорошее отношение к одноклассникам и за добросовестное отношение к урокам, а не за то, сколько у них шелковых платьев, тонких кружев и перьев.

Тут стоит упомянуть, что мисс Вилкоккс, открыв сундуки мисс Фитцгиббон, обнаружила в них великолепный гардероб; все эти разнообразные наряды оказались столь чудесными, что вместо того, чтобы отдать распоряжение разложить их в ящиках комода, стоявшего в школьной спальне, она поместила их в шкаф из красного дерева в своей комнате. Собственными руками она каждое воскресенье наряжала свою маленькую любимицу в шелковое стеганое пальтишко, шляпку с перьями, боа из горноста, маленькие французские ботиночки и перчатки. Ее переполняла такая гордость, когда она вела эту маленькую наследницу (дело в том, что вскоре после своего отъезда мистер Фитцгиббон прислал письмо, в котором сообщал дополнительные сведения о своей дочери – она является его единственным ребенком и унаследует все его имущество, включая Мей Парк в графстве Мидленд) в церковь и там усаживала рядом с собой на скамье, находящейся на галерее. Беспристрастные наблюдатели, возможно, удивятся, не понимая, чем же здесь можно гордиться. Они будут ломать себе голову, пытаясь отыскать какие-то особенные достоинства, которыми обладает эта маленькая женщина, одетая в шелка. Дело в том, что, по правде говоря, мисс Фитцгиббон была далеко не первой красавицей в школе – миленькие цветущие личики ее школьных подружек были гораздо симпатичнее. Если бы она была девочкой из бедной семьи, то мисс Вилкоккс не понравилась бы ее внешность. Причем совершенно бы не понравилась. Скорее, она даже оттолкнула бы ее. Скажу больше: хотя мисс Вилкоккс вряд ли признала бы это обстоятельство – наоборот, она всеми силами старалась не сознаваться в этом, но бывали моменты, когда она начинала ощущать некую странную усталость оттого, что ей постоянно приходится поддерживать этот заведенный ею же порядок. Для нее было крайне неестественным выказывать особое отношение к какой-либо из своих

учениц. Естественно, она не получала удовольствия, когда ей приходилось льстить и расточать ласки этой новоиспеченной наследнице, ей уже не хотелось постоянно держать ее рядом с собой и проявлять о ней особенную заботу. «Но это необходимо из принципиальных соображений, – возражала она самой себе. – Эта девочка – моя самая знатная и богатая ученица; она, как никто другой, повышает мою репутацию и приносит наибольший доход.

Поэтому, справедливости ради, следует проявлять к ней особое снисхождение». Так она и поступала, но при этом все сильнее и сильнее ощущала некую странность происходящего.

Следует признать, что незаслуженные блага, которыми осыпали маленькую мисс Фитцгиббон, определенно не принесли ей никакой пользы. Положение любимицы делало ее неподходящим партнером для игр, и соученицы не принимали ее в свою компанию, отвергая с такой решительностью, на какую у них только хватало смелости. Впрочем, вскоре проявлять активную неприязнь уже не понадобилось. Со временем стало понятно, что вполне достаточно просто избегать ее общества: фаворитка оказалась ребенком необщительным. Даже мисс Вилкокс никогда не удавалось установить с ней доверительный контакт. Когда она посылала за ней для того, чтобы та пришла в гостиную и показала свои великолепные наряды гостям, и особенно тогда, когда звала ее в свой кабинет, чтобы провести вечер в ее обществе, она частенько чувствовала какое-то странное смущение. Она пыталась быть любезной и приветливой с юной наследницей для того, чтобы каким-нибудь образом разговорить, даже развеселить ее. Себе самой воспитательница не смогла объяснить причину, по которой ее усилия в этом направлении наталкивались на упорное сопротивление, но именно так всякий раз и происходило. Однако мисс Вилкокс была женщиной настойчивой: какой бы ни была ее протее, покровительница не должна сдаваться. Из принципиальных соображений ей следовало продолжать применять свою систему привилегий.

У ее фаворитки не было подруг; и один джентльмен, который примерно в это же время посетил Лодж и увидел мисс Фитцгиббон, высказал следующее замечание: «Этот ребенок выглядит совершенно несчастным». Он наблюдал за тем, как нарядно одетая мисс

Фитцгиббон гуляла в одиночестве в то время, как ее школьные подруги вместе весело играли.

– Кто это несчастное маленькое существо? – спросил он.

Ему назвали ее имя.

Бедная маленькая душа! – повторил он, наблюдая за тем, как она расхаживала взад и вперед по аллее. Гордо выпрямив спину, девочка величественно вышагивала, засунув руки в муфту из горносталя. Ее шелковое стеганое пальто ярко блестело в лучах зимнего солнца, а большая шляпа от Легхорна закрывала почти все лицо.

Бедная маленькая душа! – снова произнес этот джентльмен. Открыв окно гостиной, он наблюдал за владелицей муфты до тех пор, пока не поймал на себе ее взгляд. Он поманил ее пальцем, и она подошла. Ему пришлось наклониться к ней, а ей – поднять лицо вверх.

– Неужели тебе не хочется поиграть, малышка?

– Нет, сэр.

– Нет! Почему? Ты считаешь, что ты лучше, чем другие дети?

Ответа не последовало.

– Неужели ты не будешь играть с другими только потому, что все говорят тебе, что ты – богатая девочка?

Юная леди пустилась наутек. Он протянул руку, чтобы задержать ее, но она уже была далеко и вскоре вообще скрылась из виду.

– Она – единственный ребенок в семье, – сказала мисс Вилкокс, как бы извиняясь за такое неучливое поведение, – и, как вы понимаете, скорее всего, отец избаловал ее; следует простить ей эту слегка вздорную манеру поведения.

– Гм! Боюсь, что такому поведению нет оправдания.

Глава 2

Мистер Эллин, джентльмен, о котором упоминалось в предыдущей главе, был человеком, который любил бывать там, где ему нравилось бывать, и поэтому, будучи досужим

сплетником, бывал практически везде. Его нельзя было назвать богатым – жил он достаточно скромно. И все же он, вероятно, располагал кое-какими средствами, так как, не имея определенного рода занятий, содержал собственный дом и слугу. Он часто рассказывал о том, что когда-то был рабочим; если это на самом деле было правдой, то происходило совсем недавно, так как выглядел мистер Эллин не таким уж и старым.

Когда он был увлечен интересной беседой, то казался и вовсе молодым. Однако он был подвержен частым переменам настроения. Соответствующим образом менялось и его лицо. Его глаза, подобно хамелеонам, могли изменять свой цвет. Временами они были голубыми и веселыми, потом становились серыми и мрачными, а иногда даже зелеными и сверкающими. Роста он был среднего, довольно худощав и жилист. В общем, его можно было назвать привлекательным мужчиной. Он жил в этих краях не более двух лет; о его прошлой жизни ничего не было известно. Однако когда приходский священник – а он происходил из хорошей семьи, имел вес в обществе, и, вне всякого сомнения, среди его знакомых не было людей с сомнительной репутацией – представил его, то мистер Эллин сразу же был принят местным обществом и всем своим поведением доказал, что он достоин подобной чести. Одни называли его неординарным человеком и даже считали экстравагантным, другие, наоборот, полагали неуместным применение подобных эпитетов на его счет. Он казался им человеком очень тихим и безобидным, но не всегда до конца откровенным и понятным, как, возможно, им хотелось бы. У него был тревожный взгляд, и иногда во время беседы он как-то уж очень неопределенно выражал свои мысли, но, тем не менее, все считали, что делал он это без злого умысла.

Сестры Вилкоккс часто приглашали мистера Эллина к себе. Он иногда даже пил с ними чай.

Оказалось, что он любит пить чай со сдобными булочками и при этом охотно принимает участие в застольных разговорах, без которых не обходится ни одно чаепитие. Говорили, что он был метким стрелком и хорошим рыбаком. Но главное, он оказался отменным сплетником – ему очень нравилось сплетничать. Словом, ему нравилось женское общество, и он, похоже, не считал, что его знакомые женщины должны обладать какими-то особенными достоинствами и выдающимися умственными способностями. В этом смысле сестры Вилкоккс, например, были почти такими же плоскими и ограниченными, как и фарфоровые блюдца, на которых стояли их чайные чашки; несмотря на это, мистер Эллин прекрасно с ними ладил. Он, несомненно, получал большое удовольствие, слушая, как они обсуждали подробности из жизни их школы. Он знал имена всех учениц и всегда здоровался с ними за руку, если ему доводилось встречать их во время прогулок. Он знал, в какие дни в школе проводятся экзамены, какие дни считаются праздничными, ему даже случалось сопровождать мистера Сесила, местного vicar, когда тот приходил, чтобы проэкзаменовать учениц по истории церкви.

Эта церемония происходила каждую среду после полудня. Иногда после экзамена мистер Сесил оставался для того, чтобы выпить чая, и почти всегда вместе с ним за столом оказывались две или три дамы из числа его прихожанок, которых приглашали для того, чтобы составить ему компанию. Мистер Эллин тоже никогда не упускал возможности присоединиться к ним. Поговаривали, что одна из сестер Вилкоккс собирается выйти замуж за vicar, а другая сестра состоит в таких же нежных отношениях с его другом. Таким образом, полагали, что подобные милые светские приемы, которые устраивали сестры, имели весьма интересную подоплеку. На эти посиделки часто приглашали мисс Фитцгиббон. Она всегда была одета в муслиновое платье со струящимся шарфом, а на голове у нее были замысловатые локоны. Других учениц тоже приглашали, но только для того, чтобы они им что-нибудь спели или немного поиграли на пианино. Иногда им приходилось читать стихи. Мисс Вилкоккс сознательно организовывала подобные публичные выступления своим юным воспитанницам. Она считала, что таким образом давала им возможность научиться выдержке и самообладанию, и в этом видела свой долг перед ними.

Любопытно было наблюдать за тем, как во время подобных мероприятий истинно природные качества берут верх над фальшивыми, искусственно созданными привилегиями. «Драгоценная» мисс Фитцгиббон, нарядно разодетая и всеми обласканная, только и могла, что с унылым видом, казавшимся естественным ее состоянием, робко обойти всех гостей по

очереди, здороваясь с каждым за руку. Потом, торопливо отдернув свою руку, она быстро и довольно неучтиво прокрадывалась к предназначенному для нее месту подле мисс

Вилкокс, где обычно и просиживала весь вечер неподвижно, словно какой-нибудь предмет мебели. Она не улыбалась и даже не пыталась заговорить – таковы уж были ее манеры, – в то время как ее соученицы, например Мэри Фрэнкс и Джесси Ньютон, вежливые, умеющие держать себя в обществе юные девицы – их невинность придавала им смелости, – обычно входили в гостиную, приветствуя всех улыбкой и покрасневшись от удовольствия. В дверях они застывали в прелестном реверансе, потом вежливо протягивали свои маленькие ручки гостям и с простодушной готовностью, которая так подкупала сердца присутствующих, садились за пианино, чтобы сыграть свой прекрасно отрепетированный дуэт.

Среди учениц школы была девочка по имени Диана. Я уже упоминала о ней в связи с тем, что когда-то она училась у миссис Стерлинг. Так вот, она была бесстрашной и смелой. Подруги очень любили ее и даже слегка побаивались. Она обладала неплохими умственными способностями, была хорошо развита физически – словом, была смышленной, честной и храброй девочкой. В классной комнате она обычно сурово пресекала показную надменность мисс Фитцгиббон; она также нашла в себе мужество восстать против этого и в гостиной. Однажды случилось так, что викарий, в силу своих обязанностей, вынужден был уйти сразу после чаепития и из гостей в комнате остался только мистер Эллин. В гостиную пригласили Диану, чтобы она сыграла одну длинную и сложную музыкальную пьесу. Нужно сказать, что она мастерски исполняла это произведение. Диана уже сыграла половину пьесы, когда мистер Эллин неожиданно – скорее всего, он только что обратил внимание на присутствие богатой наследницы – спросил эту самую наследницу, не холодно ли ей. Мисс

Вилкокс тут же воспользовалась представившимся случаем и начала расточать похвалы сдержанным манерам мисс Фитцгиббон, назвав их скромными и достойными подражания манерами настоящей леди. То ли явное притворство, звучавшее в голосе мисс Вилкокс, выдало, насколько ложными являются расточаемые ею похвалы, а также то, что говорила все это она исключительно из чувства долга, а совсем не потому, что была очарована восхваляемой ею особой, то ли Диана в силу горячности своей натуры не смогла скрыть недовольства – точно неизвестно, что послужило причиной, – однако она внезапно отвернулась от пианино.

– Мадам, – обратилась Диана к мисс Вилкокс, – эта девочка не заслуживает подобной похвалы. Она ведет себя совершенно неподобающим образом. В классе она всегда высокомерна и холодна. Лично я осуждаю ее поведение. Ни одну из нас не станут так хвалить, потому что мы не столь богаты, как она.

После этого Диана закрыла крышку пианино, засунула под мышку нотную тетрадь и, сделав реверанс, исчезла.

Странно, но на этот раз мисс Вилкокс не проронила ни слова; Диану даже не подвергли наказанию за ее выходку. К этому времени мисс Фитцгиббон уже три месяца находилась в школе, и директриса явно устала выказывать ей свое восторженное пристрастие.

Однако ситуация постоянно менялась. Временами казалось, что мисс Фитцгиббон уже утратила свое привилегированное положение, но потом происходило некое незначительное событие из разряда тех, которое обычно возмущают сторонников порядка и справедливости, и пошатнувшееся было положение Матильды Фитцгиббон вновь приобретало прежнюю устойчивость. Однажды в школу в качестве подарка для мисс Вилкокс и мисс Фитцгиббон доставили корзину с фруктами из оранжереи. В этой корзине находились дыни, виноград и ананасы. Может быть, количество ароматных плодов, преподнесенных дарителем, было чрезмерно большим, а может быть, Матильда переела торта, испеченного в честь дня рождения мисс Мейбл Вилкокс, но случилось так, что ее пищеварительные органы пришли в такое возбужденное состояние, что с ней случился приступ лунатизма. Ночью из-за нее в школе случилась жуткая паника: мисс Фитцгиббон в белой ночной рубашке прошествовала через спальные комнаты, вытянув вперед руки и издавая стоны.

Послали за доктором Перси. Вероятно, лекарства, которые он прописал, оказались недейственными. Через две недели после этого сомнамбулического припадка мисс Вилкокс шла по темной лестнице и на что-то наткнулась. Она решила, что это кот, но когда принесли свечи, то оказалось, что это ее драгоценная Матильда лежала на ступеньке, свернувшись калачиком. Она вся посинела и одеревенела от холода, ее полуоткрытые глаза были тусклыми, губы мертвенно-бледными, а конечности неподвижными. Этот приступ продолжался довольно долго. После этого девочка стала какой-то полурассеянной, и у мисс Вилкокс появилась веская причина держать ее целыми днями на диване в гостиной, проявляя о ней усиленную заботу.

Но тут наступил день расплаты как для богатой любимицы, так и для ее пристрастных наставниц.

Однажды ясным зимним утром, когда мистер Эллин завтракал, уютно устроившись в кресле в своей холостяцкой квартире и наслаждаясь чтением свежей, еще пахнувшей типографской краской лондонской газеты, ему принесли записку с пометкой «передать лично в руки» и припиской «дело срочное». Впрочем, эту приписку сделали совершенно напрасно, так как Уильям Эллин никогда ничего не делал впопыхах; он не понимал, почему следует опускаться до подобной глупости, каковой он считал спешку. Жизнь и без этого достаточно коротка. Он посмотрел на эту маленькую записку, свернутую треугольником и пахнущую духами. Автором ее явно была женщина. Почерк показался ему знакомым. Оказалось, что это записка от той самой дамы, которую светская молва считала дамой его сердца. Холостяк взял сафьяновую коробку и, покопавшись в ней, нашел среди множества маленьких инструментов крошечные ножницы. Ими он разрезал круглую печать и прочитал записку. В ней было следующее: «Мисс Вилкокс передает свои наилучшие пожелания мистеру Эллину. Если у него найдется несколько свободных минут, то она будет очень рада его видеть. Мисс Вилкокс нужен небольшой совет. Дальнейшие подробности она сообщит мистеру Эллину при встрече».

Мистер Эллин в полной тишине закончил свой завтрак; затем, так как на дворе стоял прекрасный морозный и ясный декабрьский денек (впрочем, нужно сказать, что мороз был не очень сильным), он оделся потеплее, взял свою трость и вышел из дому. Ветра на улице не было,

и солнце светило довольно умеренно. Он уверенно шел по слегка припорошенной снегом дорожке. Решив удлинить свое путешествие, он пошел через поля, по извилистым узким тропинкам, на которые редко ступала нога человека. Когда же на его пути попалось дерево, представлявшееся ему удобной опорой, он останавливался, прислонялся спиной к его стволу, скрещивал на груди руки и погружался в размышления. Если бы досужие сплетники увидели его в этот момент, то они, вне всякого сомнения, решили бы, что он думает о мисс Вилкокс; возможно, когда он доберется до Фашиа Лодж, по его поведению можно будет понять, насколько верно такое предположение.

Наконец он подошел к двери и позвонил. Его впустили и проводили в дом, но не в большую гостиную, а в комнату поменьше, которая принадлежала мисс Мейбл. Хозяйка этой комнаты, сидевшая за письменным столом, встала, чтобы поприветствовать гостя. Ее движения были довольно грациозны. Этому она научилась во Франции. В свое время она провела полгода в одной из школ Парижа, где научилась немного говорить по-французски и освоила многочисленные правила этикета. Что же, вполне возможно, что мистериу Эллину нравилась мисс Мейбл. Она была довольно привлекательной, причем самой привлекательной из сестер Вилкокс, хотя все они были эффектными и элегантными женщинами. Во дьне всего они любили носить платья ярко-синего цвета; для того чтобы создать контраст, к платью неизменно где-нибудь прикрепляли ярко-красный бант; вообще же в одежде они предпочитали сочные цвета, такие как ярко-зеленый, красно-фиолетовый и темно-желтый; о том, насколько все о сочеталось между собой, никто не задумывался. На этот раз мисс Мейбл была одета в голубое платье из тонкой шерсти, а в волосах у нее была лента гранатового цвета.

Многие нашли бы ее довольно милой. В чертах ее лица не было ничего примечательного. У нее был маленький острый носик, довольно тонкие губы, здоровый цвет лица и светло-рыжие волосы. Она была женщиной очень деловой и практичной. Будучи весьма ограниченной, почтенной и самодовольной особой, она понятия не имела о том, что такое утонченность и изысканность чувств и мыслей. Взгляд ее холодных выпуклых глаз был пронизательным и твердым.

Глаза эти были напрочь лишены какой-либо выразительности. Они были блеклыми, а ресницы и брови – светлыми. Мисс Вилкоккс была благопристойной и порядочной, однако не отличалась ни скромностью, ни деликатностью обхождения, потому что от природы была лишена чуткости и отзывчивости. Она всегда говорила спокойным и ровным голосом; лицо ее, лишенное каких-либо эмоций, всегда выражало невозмутимость и бесстрастность; такой же невозмутимостью и спокойствием отличались и ее манеры. Похоже, краска смущения никогда не заливала ее щеки, а голос никогда не трепетал от волнения.

– Чем я могу быть вам полезен, мисс Вилкоккс? – спросил мистер Эллин, подходя к письменному столу и садясь на стоявший возле него стул.

– Надеюсь, что вы сможете дать мне какой-нибудь совет, – ответила она, – или, может быть, сообщить мне кое-какую информацию. Я оказалась в довольно затруднительном положении и даже боюсь представить, что будет, если мои опасения подтвердятся.

– Но что же может случиться?

– Я просто сгорю от стыда, – продолжала леди, – но давайте перейдем прямо к делу. Сядьте ближе к огню, мистер Эллин. Сегодня выдался холодный день.

Они придвинулись к камину, и мисс Мейбл снова заговорила.

– Надеюсь, вы помните, что скоро рождественские праздники?

Он кивнул в ответ.

– Так вот, приблизительно две недели назад я, как обычно, написала родственникам своих учениц, извещая их о том, в какой день у нас заканчиваются занятия. Я сообщила им, что если они желают, то могут оставить своих девочек в школе на время каникул. Но в этом случае они обязательно должны прислать мне письменные распоряжения на этот счет. Я довольно быстро получила ответы на все письма, кроме одного. Это письмо было адресовано Конвею Фитцгиббону, эсквайру, в Мей Парк, графство Мидленд. Вы знаете, что это отец Матильды Фитцгиббон.

– Что? Он не хочет, чтобы она приехала домой?

– Не хочет, чтобы она приехала домой, спросили вы, милостивый государь? Так вот что я вам скажу. Я ждала две недели, надеясь получить от него ответ. Но ответ так и не пришел. Меня весьма

обеспокоила подобная задержка, так как я просила ответить мне незамедлительно. Сегодня утром я решила написать еще одно письмо, но тут принесли почту. Как вы думаете, что в ней было?

– Мне не терпится узнать об этом.

– Мое собственное письмо. Почтовая служба вернула его мне с пометкой – с этой ужасной пометкой! Впрочем, вы можете сами прочитать.

Она передала мистеру Эллину конверт. Он достал из него уведомление о возврате и записку. Эта записка, написанная наспех небрежными каракулями, содержала всего пару строк. В ней сообщалось, что в графстве Мидленд нет места под названием Мей Парк и что там никто и никогда не слышал о человеке по имени Конвей Фитцгиббон.

Прочитав записку, мистер Эллин удивленно раскрыл глаза:

– Я и предположить не мог, что дела обстоят так плохо.

– Что? Так вам кажется, что все плохо? Вы подозреваете что-то ужасное?

– На самом деле я в полной растерянности. Я не знаю, что и подумать. Все это весьма странно. Как это нет места под названием Мей Парк?! А как же огромное поместье, вековые дубы, убегающие в даль олени? И наконец, как это нет мистера Фитцгиббона?! Вы ведь своими глазами видели его – он приезжал в собственном экипаже!

– В собственном экипаже! – повторила за ним мисс Вилкокс. – Это был самый элегантный экипаж из тех, которые мне доводилось видеть. Да и сам мистер Фитцгиббон выглядел весьма изысканно. Так вы считаете, что здесь какая-то ошибка?

– Конечно же, здесь какая-то ошибка; но, когда все выяснится, я не думаю, что Фитцгиббон или Мей Парк воскреснут. Может быть, мне стоит съездить в Мидленд, чтобы собственными глазами взглянуть на эти два достопримечательных объекта?

– О-о! Вы окажете мне такую любезность, мистер Эллин? Я знала, что вы согласитесь помочь. Что может быть лучше того, чтобы поехать и убедиться во всем лично?

– Ничего. Но что же вы тем временем собираетесь делать с этим ребенком – с этой мнимой богатой наследницей, если она действительно окажется мнимой? Может быть, вам следует изменить

свое отношение к ней – так сказать, поставить ее на подобающее ей место?

– Мне кажется, – задумчиво произнесла мисс Вилкоккс, – что пока ничего не следует делать. Я стараюсь придерживаться правила, что не нужно делать поспешных выводов; сначала мы должны все выяснить. Если она все-таки окажется той, за кого себя выдает, будет лучше, если мы не сделаем ничего такого, о чем нам впоследствии придется сожалеть. Нет, я не изменю своего к ней отношения до тех пор, пока не получу от вас сообщения.

– Как вам будет угодно, – холодно сказал мистер Эллин. Это самое хладнокровие, по мнению мисс Вилкоккс, и делало его весьма полезным советчиком. Она считала, что его бесстрастность и немногословность как нельзя лучше соответствовали ее внешней деловитости и практичности. Она подумала, что если бы он был с ней согласен, то достаточно ясно высказался бы на этот счет. Это же краткое замечание, которым он ограничился, было ей не нужно.

Мистер Эллин «съездил», как он выразился, в графство Мидленд. Похоже, он любил подобные приключения; у него были несколько странные наклонности, и применял он всегда свои, только ему одному понятные методы. Он явно питал пристрастие к тайным расследованиям. В нем было что-то от детектива-любителя. Он умудрялся проводить следствие, не привлекая к себе внимания. Его лицо всегда выражало спокойствие, но при этом его недремлющее око никогда не теряло бдительности.

Он отсутствовал приблизительно неделю. На следующий день после своего возвращения он предстал перед мисс Вилкоккс и был так спокоен, как будто бы они расстались только вчера. Этим своим непоколебимым спокойствием он прежде всего хотел дать ей понять, что ему ничего не удалось сделать.

Мистеру Эллину, каким бы загадочным он ни хотел казаться, никогда не удавалось сбить с толку мисс Вилкоккс. Она не видела в этом человеке ничего загадочного. Некоторые люди его боялись, потому что не понимали его; ей пока не приходило в голову пытаться постичь его душу или разобраться в его характере. Она уже составила о нем свое мнение и считала его человеком праздным, но обязательным, неагрессивным, немногословным и весьма полезным. А

был ли он человеком умным и серьезным или глупым и поверхностным, общительным или замкнутым, обычным человеком или человеком со странностями – она не видела никакой практической пользы в том, чтобы выяснять это, и поэтому ничего не выясняла.

– Почему же вам ничего не удалось сделать? – спросила она его.

– В основном потому, что ничего и не пришлось делать.

– Но вы все-таки можете мне кое-что сообщить?

– Совсем немного. Только то, что и в самом деле Конвей Фитцгиббон является лицом вымышленным, а Мей Парк – карточным домиком. В графстве Мидленд не удалось найти ни единого свидетельства того, что такой человек или указанное имение существуют. Да и в других графствах Англии никто ничего о них не знает. Даже народная молва ничего не смогла поведать ни об этом человеке, ни об этом месте. В старых летописях и регистрационных книгах тоже не нашлось ответа на этот вопрос.

– Кто же тогда тот человек, который приезжал сюда, и кто эта девочка?

– Как раз этого я вам и не могу сказать. Именно поэтому я и вынужден был вам сказать, что ничего не сделал.

– Кто же мне тогда будет платить?

– Этого я тоже не могу вам сказать.

– Кто мне заплатит за проживание и за обучение? – продолжала возмущаться мисс Вилкокс. – Какой позор! Для меня это невосполнимые убытки.

– Если бы мы жили в старые добрые времена, – сказал мистер Эллин, – где нам с вами и следовало бы жить, то вы просто могли бы отослать мисс Матильду в Вирджинию на плантации, продав ее и тем самым возместив свои убытки.

– Матильда, да еще и Фитцгиббон! Маленькая самозванка! Интересно, каково ее настоящее имя.

– Бетти Ходж? Пол Смит? Ханна Джоунс? – строил предположения мистер Эллин.

– Теперь, – громко воскликнула мисс Вилкокс, – можно только отдать должное моей проницательности! Это, конечно, очень странно, но как я ни старалась – а я делала для этого все возможное, – я так и не смогла полюбить этого ребенка. В этом доме потакали всем ее капризам; мне пришлось пожертвовать собственными чувствами ради

принципов и выказывать ей свое внимание и заботу. Таким способом я пыталась скрыть от окружающих ту огромную неприязнь, которую я всегда чувствовала по отношению к этому ребенку.

– Да. Я вам верю. Я все это видел.

– В самом деле? Что же, это еще раз доказывает то, что проницательность меня почти никогда не подводит. Однако теперь ее игра окончена. Рано или поздно это должно было случиться. Я еще ничего ей не говорила, но сейчас...

– Позовите ее, пока я еще здесь, – сказал мистер Эллин. – Знает ли она что-нибудь обо всем этом деле? Посвящена ли в тайну? Какую роль играет в этом деле? Она – сообщница или орудие? Пригласите ее сюда.

Мисс Вилкокс позвонила и потребовала позвать Матильду Фитцгиббон. Вскоре мнимая наследница появилась. На ней было платье, украшенное многочисленными оборками, на плечах красовался шарф, а волосы были завиты в красивые локоны. Увы, вся эта роскошь уже стала для нее непозволительной.

– Стой! – суровым голосом сказала мисс Вилкокс, наблюдая за тем, как она направляется к камину. – Вернись к двери. Я задам тебе несколько вопросов, а ты должна ответить на них. И помни – мы ждем от тебя правдивых ответов. Мы не потерпим обмана.

С того времени как с мисс Фитцгиббон случился припадок, ее лицо оставалось необычайно бледным, а вокруг глаз залегли темные круги. Услышав такое обращение, она задрожала и побледнела, словно была в чем-то виновата.

– Кто ты такая? – требовательным голосом спросила мисс Вилкокс. – Что ты знаешь о себе?

Что-то похожее на восклицание сорвалось с губ девочки; таким образом она выразила то ли страх, то ли нервное потрясение оттого, что та беда, которая рано или поздно должна была с ней приключиться, настигла ее в самый неожиданный момент.

– Пожалуйста, успокойся и ответь мне, – сказала мисс Вилкокс. Ее нельзя было назвать ни жестокой, ни безжалостной, но она была женщиной грубой и напрочь лишенной чувства сострадания. – Как тебя зовут? Нам известно, что ты не имеешь права называть себя Матильдой Фитцгиббон.

Девочка молчала.

– Я требую ответа. Рано или поздно, но тебе придется ответить на этот вопрос. Поэтому лучше сделать это сейчас. Этот допрос с пристрастием, очевидно, сильно подействовал на девочку. Она стояла словно парализованная, пытаясь что-то сказать, но, по всей видимости, была не в состоянии дать вразумительный ответ.

Мисс Вилкоккс это не разозлило, но она стала еще более суровой и настойчивой; она повысила голос, и сдержанное возмущение, звучавшее в нем, приводило в замешательство и репринтно резало ухо. Ее интересы были ущемлены, а ее карману нанесен урон, и сейчас она защищала свои права, поэтому спокойно и беспристрастно расследовала это преступление. Мистер Эллин, похоже, считал, что он не вправе вмешиваться, и играл роль стороннего наблюдателя. Он просто спокойно стоял возле камина.

Наконец обвиняемая заговорила.

– О, моя голова! – воскликнула она своим низким голосом, поднимая ладони ко лбу. Девочка пошатнулась, но схватилась за ручку двери и удержалась на ногах. Многие обвинители, услышав подобный крик, от изумления потеряли бы дар речи; многие, но не мисс Вилкоккс. Глубоко вздохнув, она продолжала свое дело с прежней неумолимостью.

Мистер Эллин, отойдя от камина, медленно ходил по комнате. Казалось, что он просто устал стоять на одном месте и решил немного размяться. Проходя мимо двери, у которой стояла обвиняемая, ему показалось, что он услышал тихий вздох и свое имя, произнесенное шепотом:

– О мистер Эллин!

Произнеся эти слова, девочка упала. Станным голосом, который был совсем не похож на его обычный голос, мистер Эллин попросил мисс Вилкоккс прекратить допрос и больше ничего не говорить. Он поднял девочку, которая была без сознания. Она лежала у него на руках, и через несколько минут он услышал тихий вздох. Она открыла глаза и посмотрела на него.

– Ну же, моя малышка, не бойся, – сказал он.

Положив на его грудь голову, она постепенно приходила в себя. Для того чтобы ее успокоить, ему не понадобилось ничего больше говорить. Сейчас она находилась под его защитой, и уже этого одного было достаточно для того, чтобы унять ее сильную дрожь. Невероятно

спокойным, но твердым голосом он сказал мисс Вилкоккс, что этой маленькой девочке необходимо срочно лечь в кровать. Он сам донес ее до спальни и проследил за тем, чтобы ее уложили. Возвратившись к мисс Вилкоккс, он сказал:

– Ничего больше ей не говорите. Будьте осторожны, не причините ей еще большего вреда. По своей природе она очень отличается от вас. Должно быть, вам это не нравится, но тут вы не в силах что-либо изменить. Завтра мы с вами обсудим это дело. Позвольте мне самому поговорить с ней.

Глава 3

Чтобы вам не казалось, что все роскошные особняки – это не что иное, как просто мираж, позвольте мне заверить вас в том, что я, Изабель Челфонт, вдова, живущая в этой округе, провела часть своей жизни в одном из таких особняков. Я родилась в простой семье, но теперь ко мне относились как к особе благородных кровей, и с высоты своего положения я считала себя вправе подвергать сомнению происхождение любого человека из высшего общества.

Некоторые, возможно, считают, что я заняла такое положение в обществе исключительно благодаря тому, что живу в «приличном» доме. Как я уже говорила, мое жилище было уютным, хотя в нем и доминировал коричневый цвет, потому что в доме было огромное количество деревянных панелей. Этому полумраку я предпочла бы более яркие краски, но мой покойный муж постоянно убеждал меня в том, что эти панели очень красивые. Однако с помощью светильников и зеркал мне удалось смягчить эту мрачность. На панелях я развесила различные безделушки, которые сделала своими руками. Снаружи же мой дом был весь увит плющом и цветами, что делало его похожим на маленькое гнездышко. Это гнездышко называлось Фокс Кло.

Давайте вместе с вами подойдем к одному из моих зеркал. Мы заглянем в это серебряное озеро и увидим там бессловесные создания, которые копируют походку и жесты друг друга. Какой тайный груз хранится в их душах? Какая тяжесть мешает им свободно ступить по земле? Покровы одежды надежно скрывают этот секрет от посторонних глаз.

Я думаю, что мы с вами чем-то похожи. Вы тоже любите книги. Безмолвное откровение, найденное на их страницах доставляет вам больше удовольствия, чем самоободряющие словесные излияния реальных собеседников. И кто же я, по-вашему? Достойная женщина, отгородившаяся от мира покровом спокойствия? Женщина, в которой смешались покорность и строгость, как цветы в незатейливом букете? Вы считаете, что первое впечатление всегда обманчиво? Очень хорошо. Это значит, что мы уже лучше понимаем друг друга. Та особа, которую я вам представила, является существом вполне реальным. Это

миссис Челфонт. И она вам сама обо всем расскажет. Был, правда, еще один человек, и звали ее по-другому, но упоминание о ней теперь можно найти только в летописях. Она тоже могла бы вам рассказать свою историю, но это была бы совершенно другая история. Она утверждала, что смогла найти свой идеал в жизни, но потом его потеряла. Что толку сожалеть о перенесенных в пути опасностях, если путешествие имело счастливый конец? Той юной девушки уже не существует. Она повзрослела и превратилась в женщину. И именно эта женщина, стыдливо скрывая свою ранимую душу и подчинив свои надежды и желания здравому смыслу, сейчас приветствует вас. Возможно, вам тоже доводилось прятать свои истинные чувства под невозмутимой внешностью. Многие, наверное, сказали бы, что подобная юношеская пылкость, сохранившаяся в человеке, чья молодость уже прошла, похожа на нежный тропический цветок, высаженный в суровую почву английского сада. Что я сама думаю по этому поводу? Об этом вы скоро узнаете.

Ну а сейчас давайте пройдем в мой сад. Да, я тоже увлекаюсь садоводством. У меня типичный английский сад. Неяркие цветы, наслаждаясь частыми дождиками, скрашивают своим нежным цветением серые английские деньки. Здесь нет никаких новомодных фуксий и гвоздик, скучающих по своим родным гималайским склонам! Мои клумбы напоминают вышитую ткань. Весной на них цветут колокольчики и примула, а летом – розы и лаванда. В саду я возвела беседку, увитую глициниями. В ней царят безмятежность и спокойствие. Гнев уходит, а печаль зарастает жимолостью, мхом и крошечными голубыми цветочками, похожими на звездочки. Как же они называются? Это незабудки. Очень хорошо. Мы ничего не забудем.

Меня зовут Изабель, а моя девичья фамилия – Кук. Я родилась в городе Н-ске в семье портного. Я была старшей из четырех его дочерей. Самые ранние воспоминания моего детства связаны с тем, как меня по утрам будил звон колоколов. Колокола эти были на огромной церкви, которая находилась прямо возле нашего дома, и лет до шести я считала, что эта церковь принадлежит нашей семье, а ее колокола звонят только для нас и каждое воскресенье созывают прихожан, чтобы они засвидетельствовали нам свое уважение. Жили мы в двух комнатах в старом обветшалом доме. Зато из наших окон

открывался грандиозный вид: были видны остроконечные шпили и вход в храм божий. Обычно, умытые и нарядно одетые, мы приходили сюда в воскресенье, чтобы пообщаться с его хозяином, и Он от самых дверей своего дома открывал перед нами обширный и бодрящий душу вид на поросшие вереском луга, холмы и вообще на всю нашу деревенскую местность до самого Касл Хилла. Площадкой для игр обычно служила нам узкая мокрая улочка (тяжелые рабочие будни нашего городка скрашивали лишь такие развлечения, как пение в церковном хоре и травля привязанного быка собаками), но наше воображение не знало границ, и мы уносились туда, где огромные корабли, взяв на борт людей и товары, плыли в далекие страны, и мы представляли, как собираем полевые цветы и ежевику на этих далеких берегах. Я спала в одной кровати со своими сестрами и просто не представляла себе, как можно спокойно уснуть, не чувствуя тепло родных тел. Рядом с нами дремали наши родители, и мы ничего не боялись. Не пугали нас даже сторожившие наш сон похожие на привидения лекала, с помощью которых отец кроил костюмы. Вторая комната служила мастерской, столовой, кухней, а также могла выполнять любые другие функции, жизненно необходимые для нашей семьи. Вы, наверное, решили, что в нашем жилище царил полный хаос, однако это не так. Дом содержался в должном порядке. Все наши вещи висели на гвоздях. Как правило, на одном гвозде висели вещи, которые нужно было стирать, а на другом – те, которые нам следовало надеть. А когда в доме нет ничего лишнего, то и беспорядка быть не может. По утрам после завтрака мы становились в очередь, чтобы помыть посуду. Убрав со стола, отец принимался за работу. Он раскраивал ткань, а мать сшивала детали. Моя мама всегда работала рядом с отцом. Мы, дети, помогали им по мере своих сил. Мы ложились спать, а наши родители работали до поздней ночи.

Наш город был знаменит своими шерстяными тканями и портными, и джентльмены из самого Манчестера и даже из Лондона приезжали к нам шить костюмы, чтобы потом иметь возможность похвастаться изделиями от знаменитых мастеров. Однако портных здесь было так много, что между ними существовала жесткая конкуренция, и мой отец был далеко не преуспевающим мастером, а скорее, едва сводил концы с концами. Наша семья была бедной, но мне казалось, что мы были богатыми людьми. Я и до сих пор так считаю.

Окруженные любовью, мы, довольствуясь малым, все же чувствовали себя счастливыми. Уже намного позже я поняла (и у меня до сих пор сжимается сердце, когда я вспоминаю об этом), что жизнь моих родителей была далеко не легкой и приятной. Особенно жизнь моей матери. Я часто вспоминаю ее красные глаза. И были они такими не оттого, что она плакала (ей была совершенно чужда жалость к себе самой), а потому, что ей приходилось долго и напряженно работать в полутемной комнате. У нее была тяжелая жизнь, но ради семьи она была готова пойти на любые жертвы. Я вспоминаю, как однажды мы пришли в гости в одну состоятельную семью. Перед мамой поставили тарелку с мясом, и тут моя маленькая сестра сказа-ла: «Мама ничего не ест, кроме хлеба и масла». Благодаря тому, что родители во многом ограничивали себя, мы имели возможность ходить в школу. Самым большим удовольствием для меня было читать для них вслух в то время, когда они работали. Ведь им обоим так и не довелось научиться хорошо читать и писать.

Отец часто говорил нам, что когда нас начинают одолевать мысли о том, как нам тяжело живется, то мы должны подумать о тех, кому живется еще хуже, чем нам, и вспомнить все хорошее, что есть в нашей жизни. Он считал, что для него благом является работа. Он говорил, что Бог тоже портной, а наши жизни – это одежда, которую Он сшил для каждого из нас. «Помните, что если земная жизнь кажется вам мрачной и тяжелой, то, возможно, на небесах вам уготована жизнь, наполненная богатством и славой», – говорил он. Я помню его руки в поношенных нарукавниках. Помню, как он разрезал большими ножницами ткань, и при этом слышался тихий, мягкий звук, похожий на то, как чихает котенок. «Если вдруг что-то причинит вам страдание, вы подумайте о том, что в этот момент кто-то пришел к вашему платью жемчужинку», – говорил он. Частенько, когда меня обижали или когда я сдирала себе колени в кровь, я садилась и представляла себе, как на моем простеньком платьице появляется еще одна жемчужина, и в этот момент мне казалось, что я – самая прекрасная принцесса на Земле. Я родилась в удивительной семье и верила, что весь мир наполнен добром, и поэтому, когда я выросла, не испытывала страха перед жизнью.

Что касается семейной иерархии, то, на мой взгляд, я занимала в ней самую выгодную позицию. Старшая дочь всегда имеет двойную

привилегию. Она является второй матерью для младших детей и младшей сестрой для своей собственной матери. Во всем этом был только один неприятный момент. Старшая сестра обычно считает себя человеком нужным для семьи, и по этой причине ей не хочется покидать отчий дом. Однако все понимали, что я обязательно буду работать, чтобы прокормить себя, и что, несмотря на любовь, которую я питаю к родному очагу, я все же с нетерпением жду момента, когда жизнь предоставит возможность познать что-то новое. Я окончила школу в четырнадцать лет и провела дома еще два счастливых года, помогая матери шить и управляться с младшими детьми. В то время мы с мамой часто развлекали себя одной нехитрой забавой. Мы пытались представить, что меня ждет в будущем. При этом мы строили самые невероятные предположения, забывая о том, что в действительности у меня был весьма небогатый выбор. У меня было всего три варианта. Я могла или остаться дома и работать вместе с отцом, или пойти на фабрику, или стать гувернанткой. Было бы невероятным везением, если бы мне удалось получить место гувернантки. Такие места обычно предлагали образованным девушкам из средних слоев общества, но мой школьный учитель, который любил меня, всячески старался мне в этом помочь. Его усилия увенчались успехом. Я получила место гувернантки в семье Корнхилл. На моем попечении оказались двое детей, одному из которых было семь лет, а другому – шесть. Этот дом находился более чем в восьмидесяти километрах от моего родного дома. Мне сразу понравилось его название – Хеппен Хис, и с самого начала я называла его про себя Хеппи Хис. Для меня это название ассоциировалось с простором полей, свежим ветром и чистотой девственной природы. Если уж мне пришлось покинуть свой дом, то о более благозвучном названии для моего нового жилища и мечтать было нельзя. Однако расставание с отчим домом было мучительным. Вся семья провожала меня до остановки дилижансов. Мы шли молча, потому что всем было грустно. Младшие дети даже плакали. Отец сшил мне два серых платья, и я чувствовала себя невероятно взрослой. Он помог мне и справиться с волнением, которое я испытывала по поводу начала своей взрослой жизни, и развеять тоску оттого, что мне приходится покидать семью.

А теперь представьте себе юную девушку, которая никогда в жизни не уезжала из своего родного города и ни одного дня не проводила

вдали от людей, подаривших ей жизнь, сидящей среди незнакомых людей на верхней площадке открытого экипажа. Уже начали сгущаться сумерки. Все знакомые мне места остались далеко позади. Из-за дождя мои красивые локоны раскрутились. Мы то и дело заезжали в незнакомые города, в каждом из которых кто-то из моих попутчиков покидал экипаж. Тогда я была еще совсем юной и в страхе прятала свое лицо от посторонних взглядов, пытаюсь представить себе, что я буду делать, если меня не встретят. Сознаюсь, я даже всплакнула украдкой, но в темноте моих слез никто не заметил.

Я почувствовала несказанное облегчение, увидев джентльмена, держащего в руках табличку с моим именем. Рядом с ним стояли, пританцовывая, двое детей. Я почтительно поздоровалась с мистером Корнхиллом, но тут он сказал мне, что на самом деле он кучер и зовут его Томом. Пока мы ехали в экипаже, дети назвали свои имена – Дороти и Фредди, а потом засыпали меня разнообразными вопросами.

Вы и представить себе не можете, с каким облегчением я слушала лепет этих двух очаровательных детишек. Экипаж проехал через внушительного вида ворота. Полная луна освещала окрестности. Наша лошадь начала подниматься по крутому склону, и в лунном свете

замелькали силуэты деревьев. Я сидела тихо как мышь, сжав в своих руках маленькие ручки детей. Я никогда не думала, что подъездная дорога может быть такой длинной. Дорога выровнялась, и мы въехали на мост. Я услышала какой-то неясный шелест и выглянула из окна экипажа. Под мостом, переливаясь в лунном свете, текла река. И тут перед нами появился дом. Его девять высоких окон отражались в реке. Этот дом показался мне дворцом, и когда я вылезала из экипажа, то думала только о своих мокрых волосах, скромном одеянии и самодельном дорожном сундуке. Мы поднялись на крыльцо, покрытое плитами белого и черного мрамора, которые были расположены в шахматном порядке. Здесь же в огромных вазах стояли зеленые ветвистые растения. Мы вошли в холл. Мне показалось, что он такой же огромный, как и сам дом. В холле ярко горел камин. Только представьте себе – камин в холле! Светло-серые стены украшали лепные гирлянды из разноцветных цветов и плодов. Они выглядели как настоящие. Тут же располагалась невероятной ширины лестница. Я подумала, что если бы мы с моими сестрами все вместе взялись за руки, то свободно смогли бы пройти по этой

лестнице. Я была так поражена, что даже не заметила появления хозяев дома.

– Рады приветствовать вас, дорогая Айза, – услышала я мелодичный, похожий на звон летнего дождика голос.

Я только начала привыкать к окружающей меня сказочной обстановке, как тут же была очарована новым видением. Несмотря на свою полноту, Алисия Корнхилл обладала некой изысканностью, которая сквозила во всех ее чертах, начиная с бледно-розовых щек и заканчивая белыми, почти прозрачными, пальцами. Она уже переделалась к ужину. На ней было шелковое розовое платье, и она сама была похожа на распутившийся цветок розы.

– Бедное дитя, вы совершенно промокли, – сказала она, наклонившись ко мне так, что ее щека едва не коснулась моей щеки. – Подойдите же к огню, а потом вы сможете пойти и переодеться.

– Я не привезла с собой вечернее платье, – извинилась я. Она как-то странно посмотрела на меня и улыбнулась:

– Подобные вопросы не должны вас беспокоить. Мы постараемся сделать все для того, чтобы вам здесь было хорошо. Как вы думаете, вам понравится ваш новый дом?

– Очень понравится, – сказала я решительно и добавила, что даже и не мечтала о том, что смогу когда-нибудь жить в таком прекрасном доме. Я призналась, что подобная роскошь испугала меня, но я постараюсь сделать все, чтобы оправдать оказанное мне доверие. Я услышала тихие хлопки. Это хлопал в ладоши юноша, который стоял возле миссис Корнхилл.

– Прекрасные слова, мисс Кук. Теперь понятно, что вы знаете свое место. Вы обязаны показать себя с наилучшей стороны.

– Надеюсь, мне это удастся, – ответила я, хотя меня встревожил тон его голоса. В нем сквозила ирония. Не обращайтесь внимания на Финча, – сказала миссис Корнхилл. – Он – студент и поэтому считает себя умнее всех нас.

– Я внимательнее посмотрела на этого студента. Это был молодой человек высокого роста, на год или на два года старше меня. На его бледном лице застыло какое-то неодобрительное выражение. Это впечатление усиливали густые черные брови и непослушные волосы такого же черного цвета. Мне показалось, что он вел себя как-то поребячески, и захотелось дать ему понять, что для меня он всего лишь

младший член этого семейства. Даже усатый и шумный отец семейства не поленился и взял на себя труд поприветствовать меня. Таких богатых людей мне еще не доводилось встречать, и все они, похоже, отнеслись ко мне благосклонно. Все, кроме одного.

И этот человек нарочно взял меня за руку и повел в гостиную.

– Как вы думаете: вам подходит эта должность? – осведомился он.

– Я сделаю все, чтобы быть полезной.

– Берегитесь, мисс Кук! Возможно, такое качество, как полезность, не подходит для этой работы. Дети из богатых семей – особенные дети. Они всегда должны чувствовать свое превосходство над толпой и знать, что при необходимости имеют право даже пройти, что называется, по головам других людей.

– Дети, богатые или бедные, всегда имеют превосходство над остальными людьми. И не потому, что не считаются с интересами других, а потому, что у них есть моральный долг

перед ними. Во всяком случае, так меня воспитывали мои родители – сказала я, стараясь ничем не выдать своего раздражения. Я отняла у него свою руку и вошла в гостиную. Стены

ее были отделаны голубыми шелковыми панелями, гармонировавшими с лазурного цвета потолком, на котором расположилась целая стая райских птиц, вылепленных из гипса.

К счастью, Финча часто не бывало дома. У него была квартира рядом с университетом, в котором он учился, и поэтому он редко приезжал в Хеппен Хис, в основном только на выходные.

От дальнейших грубостей в тот первый день меня спасла миссис Корнхилл. Эта кукла размером с живую женщину удобно устроилась в обитом розовой парчой кресле и томным, почти кокетливым жестом указала мне на другое такое же кресло. Я была вся мокрая, волосы мои были растрепаны, и поэтому я чувствовала себя весьма неуютно. Миссис Корнхилл подумала и предложила мне более подходящее место, после чего попросила всех остальных членов семьи оставить нас вдвоем. С трогательной настойчивостью она объяснила, что женщины обычно чувствуют себя более комфортно, когда им никто не мешает.

Когда мы остались наедине, она молча сидела, с явным удовольствием рассматривая меня. Я почувствовала некоторое облегчение и успокоилась. О чем я думала в тот момент? Размышляла

ли над тем, как несправедлива жизнь, которая одним дает все, а другим (таким, как мои трудолюбивые родители) почти ничего? Нет, я просто влюбилась в свою хозяйку и во всю эту роскошную обстановку. Я надеялась только на то, что миссис Корнхилл в скором времени оценит меня по достоинству и подарит мне одно из тех своих платьев, которые уже не носит, чтобы мой внешний вид более соответствовал окружающей обстановке.

– Понравились ли вам дети, мисс Кук? – наконец спросила эта леди. Я ответила, что они очаровательные и я уже успела привязаться к ним. Услышав мой ответ, она с облегчением вздохнула, и я, словно эхо, повторила этот вздох. Затем она спросила, нравится ли мне спокойная и размеренная жизнь. И я представила себя сидящей в тихом садике или гуляющей по берегу реки. Я вообразила, что сижу в этой прелестной комнате (конечно же, на мне совершенно другое платье) с вышивкой в руках. Я почти наяву увидела, как наслаждаюсь изысканными блюдами в благородной компании, и ответила, что я с удовольствием бы приняла такой образ жизни.

Это хорошо, – одобрила миссис Корнхилл. – Это очень хорошо. Я уверена, что мы станем близкими подругами, – сказала она и, наклонившись поближе ко мне, добавила: – К сожалению, я не обладаю достаточным терпением, чтобы управляться с маленькими детьми. У меня такие слабые нервы. Поэтому с ними все время будете находиться вы. Обедать и ужинать вы тоже будете вместе с ними. А в гостиную будете спускаться только тогда, когда это будет необходимо, или для того, чтобы присматривать за детьми. Короче говоря, – сказала она, весело улыбнувшись, – вы станете незримым ангелом.

– Да, мадам, – ответила я, почувствовав некую подавленность после таких откровений. Мне хотелось узнать, Когда же подадут ужин, так как я страшно проголодалась после столь дальней дороги.

– Теперь вы можете идти, мисс Кук. Вы должны накормить детей ужином, проследить за тем, чтобы они прочитали молитву, а потом уложить их спать. После этого я распоряжусь прислать вам что-нибудь из еды. Я думаю, что вы слишком утомлены и взволнованы и поэтому не очень голодны.

– Да, мадам, – сказала я.

– Ваш первый вечер в нашем доме вам придется провести в одиночестве, сказала она. Вы ведь дочь портного, и поэтому, я

надеюсь, неплохо шьете. Я пришлю вам кое-что из вещей, чтобы вы привели их в порядок. Вы займетесь работой, и это отвлечет вас от грустных мыслей.

Когда она говорила, то все время лучезарно улыбалась, как будто сообщала приятнейшие известия. Через минуту мои маленькие ученики уже тащили меня вверх по лестнице.

Мы прошли несколько этажей и оказались в детской. И тут я поняла, что дети из бедных семей иногда живут лучше, чем отпрыски богатых родителей. Я оказалась в маленькой неуютной комнате, обставленной странной мебелью, совсем не похожей на ту роскошь, которую я видела в гостиной. Камин в этой комнате еле горел. Тем не менее мне стало жаль тех счастливых молодых людей, покинувших уют родного дома и вырвавшихся из-под опеки родителей, которым приходится строго следить за тем, чтобы никто не пытался урвать кусочек-другой из их пресного ужина. Моя же скудная и давно остывшая еда была подана в положенное время. Но я так устала и была столь расстроена, что даже не прикоснулась к ней, а просто упала в свою холодную кровать, пообещав Создателю нашему, что завтра утром обязательно буду чувствовать себя лучше и немедленно займусь шитьем, которое прислала мне миссис Корнхилл.

Хеппен Хис – этот величественный символ богатства, гордо возвышавшийся над окрестными холмами и устремившийся прямо к солнцу, – приютил в своих стенах никому не известное существо. Многочисленные гости этого дома даже не подозревали о его существовании. Этакая маленькая мышка, живущая под самой крышей. Этой мышке в человеческом обличье уже шестнадцать лет, и однажды она отважилась совершить самый рискованный поступок в своей жизни, но потом поняла, что ей не стоило этого делать.

Из своего гнездышка под крышей я наблюдала за всей той яркой суматохой, которой жил дом. К его парадному входу то и дело подъезжали экипажи. Слышались звуки музыки, доносились запахи восхитительных блюд, которые мне так и не довелось попробовать, поскольку я всегда обедала в детской вместе с детьми. В доме постоянно устраивались приемы, и бесчисленное множество свечей заливало комнаты ярким светом, а нарядно одетые гости казались мне удивительными, тем более что я никогда не подходила к ним близко. Я только и могла, что бросить на них беглый взгляд из-за лестничных

перил верхнего этажа. Сюда же иногда доносились обрывки разговоров, которые я жадно ловила. Я была лишена общества взрослых людей. Домашняя прислуга жила в отдельных помещениях. К тому же слуги считали меня человеком, занимающим более высокое положение, чем они, а хозяева, наоборот, считали меня человеком слишком низкого происхождения. Таким образом, я оказалась втиснутой между этими двумя группами людей, как тонкий лист салата между слоями бутерброда. Никто из взрослых никогда не разговаривал со мной, за исключением тех случаев, когда я спускалась в сад, чтобы погулять в одиночестве, и меня там замечала миссис Корнхилл. Обычно она догоняла меня, слегка задыхаясь, и говорила, что для того, чтобы я не скучала, у нее есть для меня дополнительная работа. И мне сразу же приходилось что-нибудь сажать или пропалывать.

Конечно же, я делала все, о чем она меня просила, и мне казалось, что мою хозяйку раздражало то, с какой легкостью я справляюсь со своей работой. И если, проходя мимо, она замечала, что я читаю или собираюсь прогуляться, то тут же находила мне новую работу. Она сбрасывала на меня целые горы простыней и платьев для того, чтобы я все это штопала и переделывала. К вечеру я просто валилась с ног от усталости и мне так хотелось домой, что хоть белугой реви.

Я сказала, что мне не с кем было общаться. Но это не совсем так. Мое одиночество время от времени нарушалось появлением Финча Корнхилла. Мне казалось, что он недолюбливает меня, но, тем не менее, старший сын семейства не пренебрегал моим обществом. Когда мы случайно оказывались рядом, то я ощущала на себе его взгляд. Я была уверена, что он пытался найти во мне какой-нибудь недостаток, чтобы потом посмеяться. Как-то раз он остановил меня и спросил, довольна ли я своим жалованьем. Очень довольна, – солгала я, так как не была уверена и том, что ему можно доверять.

– Вы меня удивили, – ответил он. – Наверное, я переоценил вас.

– Мне кажется, – сказала я ледяным голосом, – вы хотели сказать, что недооценили меня.

Его губы искривились в усмешке:

– Я знаю, что я хотел сказать.

Я знала, что его мать никогда не расточала ему похвал, но, несмотря на это, я не стала относиться к нему лучше. А вот своих